Ю.М. Почта

Политический ислам в контексте глобализации и роста фундаменталистских движений религиозного и светского характера в начале XXI века

Одной из важнейших глобальных тенденций социального развития человечества в конце XX — начале XXI в. является активное использование индивидами, народами и населением целых регионов идеи религиозно-цивилизационного единства как основы культурной идентификации. Такого рода идеи могут использоваться фундаменталистскими движениями.

При всем разнообразии фундаменталистских движений, базирующемся прежде всего на различиях в онтологических представлениях, в политическом и историческом аспектах между отдельными его видами наблюдается глубокое сходство — все они нацелены на утверждение религиозной природы современных обществ.

Почему же оказывается возможным возврат к религиозным идеологиям? Распад в конце прошлого века мировой социалистической системы привел, помимо прочего, к разрушению идеологической антиномии либерализма и социализма. Без нее значительная часть человечества, отвергающая либерализм, оказалась в ситуации, когда надежды на торжество справедливости в земной жизни кажутся утраченными. В эпоху глобализации мир стал более открытым, но не менее жестоким. Не все могут стать членами общества «золотого миллиарда» на достойных условиях: альтруизм несвойствен модерну по самой его природе. Резкие диспропорции в экономическом развитии и агрессивное проникновение западной массовой культуры практически лишили страны периферии возможности преодолеть культурно-политический разрыв, сохранить свои цивилизационные устои. В этих условиях накопился огромный негативный потенциал социальной энергии, которая не может быть реализована через модели рационального приспособления к среде в ситуации неравного партнерства. Обострилась потребность в

смене идейно-ценностных установок, как на уровне элит, так и на уровне масс. Так, социологические исследования показывают вызывающие тревогу изменения в самосознании жителей Ближневосточного региона — первостепенную роль в них начинает играть не национализм, а исламская религиозная идентичность, зачастую радикального толка.

А в западных обществах (центре мир-системы, используя терминологию И. Валлерстайна) особую актуальность приобрели призывы к преодолению разобщенности и индивидуализма, к одухотворению жизни в секуляризованном мире, возвращению к ценностям традиционной семьи, к вере в Бога. Здесь усиление религиозности проявило себя в форме усиления консервативных настроений. Сам же этот консерватизм был в основном реакцией населения на болезненно негативные последствия глобализации. Практически бесконтрольные миграции населения из Азии и Африки в США, Западную Европу привели к возникновению культурных, экономических и политических проблем и осложнению отношений между коренным и пришлым населением. В результате как те, так и другие обратились к политизированному варианту религии, увидев в ней средство защиты от чужеродных культурных влияний и социальных проблем. Организующей идеей этого поиска является формирование образа «чужого» и проповедь ненависти к нему как причине всего зла в обществе.

В связи с этим некоторые исследователи характеризуют ситуацию в Западной Европе как столкновение фундаментализмов: представители коренного христианского населения склоняются к крайне правой идеологии, а иммигранты-мусульмане — к радикальному исламизму. Это конфликт исламского фундаментализма и фундаментализма демократического. Когда журналист говорит, что свобода слова не обсуждается, это и есть фундаментализм. Если нельзя обсуждать, значит, нужно верить. А это уже нельзя назвать демократией. (Например, в демократической Франции существует закон, предусматривающий санкции в отношении тех, кто отрицает геноцид армян турками.)

Высказывается также идея о том, что в XXI в. антиисламизм становится такой же характерной особенностью крайне правой идеологии, как антисемитизм в прошедшем столетии. В США фундаментализм проявляется и во внешней политике. Так, начатая американской администрацией после 11 сентября 2001 г. война с терроризмом имеет теологическое определение войны с неким злом. Христианские фундаменталисты, поддерживавшие президента США Буша, трактуют терроризм как зло, уходящее корнями в исламский фундаментализм. Получается, что современное государство определяет свою внешнюю политику с помощью категорий религиозной парадигмы. Тем самым данное государство фактически перестает быть светским и превращается в клерикальное, объявляющее крестовый поход против иноверцев, в данном случае против мусульман. Как пишет З. Бжезинский, «акцент на терроризме был политически целесообразен в силу расплывчатости

этого понятия. После 11 сентября понятие «терроризм» было доведено до сознания каждого американца, в результате чего отпала необходимость объяснять кому бы то ни было, как ведется «глобальная война с террором» или когда закончится эта война нового типа с неуловимым врагом… «Терроризм заменил американцам советское ядерное оружие в качестве главной угрозы, а внушающие страх террористы (потенциально вездесущие и в целом отождествляемые с мусульманами) пришли на смену коммунистам» [Бжезинский, 2006]. Воспроизводящие гиперреальность средства массовой информации, делают пугающий население симулякр исламского терроризма важным средством политических манипуляций. Это приводит к тому, что важные политические и военные решения (об ограничении прав и свобод граждан, о нанесении ударов по конкретным военным базам, территориям, о создании антитеррористических коалиций) могут приниматься в качестве ответа на симулякр исламского терроризма. Объявленная бесконечная война без ограничения средств против терроризма (исламского) может вестись именно против симулякра, а не против реального явления.

Реакцией мусульманского мира на вызов буржуазного секулярного Запада явились модернизация как максимальное приспособление исламского наследия к современности с использованием западных достижений и фундаментализм как формальный возврат к первоначальному идеальному исламу и решительный отказ от чуждых заимствований. Оба эти процесса происходят в контексте традиционализма, доминирующего в мусульманском мире.

Почему исламский фундаментализм привлекает к себе особое внимание в современном мире? Этому есть историческое объяснение. С началом колониальной эпохи (XVII–XIX вв.) для народов Востока, в том числе немусульман, европейские колонизаторы стали символом агрессии, порабощения, эксплуатации. Все восточные народы и религии, затронутые нашествием колониализма, повели борьбу против него. Мусульмане же, ранее других столкнувшиеся с европейскими иноверцами дольше других испытывавшие давление с их стороны, а потому больше других накопившие обид на них на историческом пути, были особенно упорны в антиколониальном сопротивлении, в неприятии всего западного. Это наложило отпечаток на последующий характер взаимоотношений Восток–Запад, в системе которых мусульмане взяли на себя функцию наиболее последовательных защитников самобытности Востока, наиболее непримиримых противников шедших с Запада модернизации и вестернизации, наиболее твердых последователей и хранителей традиций религиозного и культурного наследия прошлого.

Со второй половины XX в. началось разочарование широких масс мусульман в идеях светского национализма и связанного с ним мусульманского социализма, что объяснялось неспособностью носителей этой идеологии, оказавшихся у власти после обретения независимости прежними колониями, решить насущные социально-экономические

проблемы. Кроме того, формальная независимость не привела к экономической самостоятельности. Молодые суверенные государства Востока продолжали играть роль отсталой периферии. Это остро ощущалось всеми народами, и прежде всего мусульманами, как национальное унижение, как подчеркнутое стремление Запада к господству и неравноправию, в том числе — в области религиозной жизни. В этих условиях и сформировался исламский фундаментализм. Он представляет собой попытку «возврата к истокам» раннего ислама. Именно в таких регионах исламский фундаментализм обрел почву под ногами.

Было бы неверно, как это иногда делается, ставить знак равенства между исламскими фундаменталистами и исламскими экстремистами. Фундаменталисты могут быть и вполне мирными людьми, уважающими закон и порядок и всецело обращенными к защите традиций ислама, руководствоваться Кораном и шариатом. Однако в ряде случаев фундаментализм политизируется и порождает радикализм. В этом случае используются насильственные способы реализации фундаментализма как идеологии или мировоззрения.

Что порождает исламизм как радикальный политический ислам? Иначе говоря, какова социальная база исламизма в мусульманском мире? По мнению Р.Г. Ланды, ее составляют маргинализированные людские массы мусульманского мира, оказавшиеся жертвами модернизации и глобализации. «В сущности, — пишет он, — прямым результатом этих процессов модернизации и глобализации явились быстрый рост обнищания Востока, высокие темпы разорения крестьянства и обильное пополнение социальных низов восточного города гигантской массой сельских маргиналов. Около половины этих лиц остаются безработными или людьми без определенных занятий. Что превращает города, прежде всего мусульманского Востока, в социальный пороховой погреб» [Ланда, 2005, с. 22]. В традиционном обществе в поисках выхода из кризисных социальных ситуаций зачастую происходит обращение к мифологеме возвращения к истокам. В таких случаях причиной неудач мусульманского общества объявляется забвение исконной традиции и провозглашается необходимость возвращения к ней. Мусульмане обращаются к социальному идеалу раннего эгалитарного ислама, который был, по мнению фундаменталистов, предан забвению в результате вмешательства иноверцев и собственных коррупционеров.

Важнейшей причиной существования исламского радикализма является неоколониалистская политика западных держав, прежде всего США, по отношению к странам мусульманского Востока. Кардинального изменения этой политики США не хотят по соображениям сохранения своего престижа и господствующего положения единственной сверхдержавы, не собирающейся соблюдать равноправие в отношениях с другими странами. Это означает, что объективно противостояние Запад–Восток будет продолжено, а мусульманская составляющая этого противостояния сохранит свое значение.

С точки зрения цивилизационного анализа исламский фундаментализм можно рассматривать как вариант современного ответа исламской цивилизации на вызов со стороны западной цивилизации. Это стремление к сохранению исламской культурной идентичности в ситуации социокультурного кризиса, а также попытка преодоления западного глобализма с помощью собственного глобального политического проекта.

Было бы заблуждением делать вывод, что фундаментализм является чистой формой архаики, пришедшей из далекого прошлого. Ориентируясь на традицию и опираясь на архаику, он тем не менее принадлежит и служит культуре модерна. Формирование его идентичности вызвано феноменом модерна, а не только богословскими спорами. Именно модерн, разрушая традицию, вызывая культурный шок, изменяя этические основания общества, — порождает фундаментализм. Вместе с тем сам фундаментализм неизбежно оказывается продуктом модернизации, обоснованной реакцией на все возрастающее значение внерелигиозных, внедуховных факторов жизни общества. Его теоретики избирательно обращаются к традиции, отталкиваясь от своих, сформированных современностью, представлений об идеале, и подкрепляют свою позицию прямым обращением к Священному писанию (Библии, Корану), создавая произвольную систему градации ценностей религии и вводя новации (например, «исламская демократия»). Как полагает Оливер Рой, исламизация является современным явлением, выражающим глобализацию и вестернизацию мусульманского мира. Исламские радикалы иллюзорно полагают, что представляют традицию, хотя в реальности они выражают негативную форму вестернизации, а фундаментализм может выступать орудием вестернизации [Roy, 2004, p. 15–29].

Получается, что антимодернизм фундаментализма неизбежно сочетается с модернистскими чертами. Они состоят в очевидной предрасположенности к формированию тоталитарной идеологии с элементами рациональности, убежденности в примате политики над религией, видении высшей цели в преобразовании центральных политических институтов, готовности использовать технологические и организационные достижения иной цивилизации. Именно здесь коренится главное отличие современного религиозного фундаментализма от его предшественников. Противоречие между религией и идеологией фундаментализм преодолевает за счет эклектического соединения веры с разумом, откровения с наукой. В этом отношении весьма характерна «третья мировая теория» М. Каддафи.

Роль фундаменталистской идеи амбивалентна: эта идея, особенно в радикальной форме, содержит как конструктивное, так и деструктивное начала. Фундаменталисты часто не разграничивают личное и общественное, рациональное и иррациональное, но они могут противопоставлять их таким образом, чтобы индивидуальное и частное не

исчезали полностью, чтобы политическое и религиозное начала сохраняли определенную автономность по отношению к друг другу. Они в состоянии эволюционировать в сторону реформаторства или даже модернизма. Это обычно происходит с появлением новых, общегосударственных масштабов ответственности, например такая эволюция происходит в современном Иране. [Кудряшова, 2003, № 2]. Результаты реализации первоначально выглядевших утопическими проектов существенно отличаются от идеала, причем подобные отступления тем выраженнее, чем больше масштаб и дольше практическая жизнь проекта. Фундаменталистская модель является не только утопией, так как она объективно влияет на поиск рационального пути социального развития, создания нормативных образцов человеческого будущего. Это позволяет нам сделать вывод о том, что легальный фундаментализм может выступать важным фактором национального развития ряда современных обществ.

При этом следует различать формы фундаментализма, свойственные модерну, и формы, которые присущи постмодерну:

– в эпоху модерна речь идет о настоящей борьбе секуляризма с традицией, поэтому фундаментализм имеет серьезный политический вес, но в то же время он более умерен и ответствен. Зачастую он сливается с консерватизмом;

– совсем иная ситуация в культуре постмодерна, в которой традиция преодолена и в таковом качестве воспринимается постмодерном более толерантно. Если традиция и способствует в этих условиях формированию культурной идентичности, то это уже посттрадиционная идентичность. Так как фундаментализм уже никак не может влиять на реальное развитие постсекулярного общества, он принимает самые крайние формы вплоть до террористических;

– постмодерн опирается на плюрализм и принцип толерантности. В культуре, как и на рынке, он стремится реализовать полный спектр возможностей, превращая фундаментализм в свой системный элемент. Фундаментализм вынужден участвовать в реализации проекта постмодерна, оказываясь лишь еще одним из существующих на рынке культуры нарративом, еще одной субкультурой, еще одной языковой игрой.

Ведь фундаментализм постмодерна обречен на дискредитацию роли традиции. По мнению А. Кырлежева, он «возрождает ее в памяти, но изгоняет из жизни» [Кырлежев, 2004]. Традиция для него целиком виртуальна: он черпает ее не из реальности, а из текстов, а затем обращает в тексты же. Беря на вооружение средства технической цивилизации для распространения своих идей, он на самом деле попадает в ловушку этой цивилизации. Трансляция, а не содержание, форма, а не идея определяют его развитие. Критикуя новую эпоху, он сам не способен продуцировать иного, кроме лозунга, митинга, веб-сайта. Он явно не способен к серьезному дискурсу модерна: к научной работе, к кон-

структивному диалогу, к консолидирующему действию [Кырлежев, 2004]. Так как традиция для него ценна в форме архаики, форме экзотической, экстравагантной и виртуальной, то было бы неверно видеть в фундаментализме защитника традиции и противника постмодернизма. Основное же его противоречие с постмодернизмом состоит в том, что последний стремится лишить любую совокупность взглядов (религию, политическую идеологию, научную концепцию) исключительных претензий на статус метанарратива, на абсолютную истинность.

Имеется несколько аспектов сближения религиозного фундаментализма и постмодернизма. Оба они обращаются к малым социальным группам и ориентируются не на рациональность, а на иррациональность. Их опорой является не универсальное, а локальное. Оба эти феномена обращаются к архаичным структурам, и в них, соответственно, доминирует коллективное бессознательное над индивидуальным сознанием. В этом аспекте сходятся две крайности, взаимно провоцируя друг друга. Проблемы, с которыми сталкивается человечество в эпоху постиндустриального общества, требуют увеличения роли разума, однако постмодернизм и противостоящий ему фундаментализм отводят разуму все меньше места.

Список источников и литературы

Бжезинский З. Последний суверен на распутье // *Россия в глобальной политике*. 2006. Январь–февраль. № 1.
Кудряшова И.В. Исламская цивилизационная доминанта и современное развитие мусульманских политий // *Политическая наука: новые направления* / 2003. № 2.
Кырлежев А. Постсекулярная эпоха // *Континент*. 2004. № 120.
Ланда Р.Г. *Политический ислам: предварительные итоги*. М., 2005.
Roy O. *Globalised Islam: The Search for a New Ummah*. L.: Hurst & Company, 2004.